А.А. Сулейманов*

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНАХ ЯКУТИИ В 1960-х – 1970-х гг.

В статье на основе анализа научной литературы и архивных материалов реконструирована история проведения в 1960-х – 1970-х гг. этнографических исследований в арктических районах Якутии, выявлены персональный состав и география реализованных инициатив, определены их основные направления. Автор описывает вклад участников изысканий в аккумуляцию научных сведений об истории, этногенезе, этнических процессах, традиционной хозяйственной деятельности и культуре долган, эвенков, эвенов, юкагиров и русских арктических старожилов Якутии.

Ключевые слова: этнография, экспедиции, научные исследования, Арктика, Якутия, коренные народы

Ethnographic study of the Northern indigenous peoples in the Yakut Arctic, 1960s – 1970s. ALEXANDER A. SULEYMANOV (Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

Based on the analysis of scientific works and archival materials, the article reconstructs the history of ethnographic study of the Northern indigenous peoples in the Arctic regions of Yakutia in 1960s and 1970s. The author explores the geographical scope and directions of the expeditions, describing the contribution of their members to the collection of information about the history, ethnogenesis, ethnic processes, traditional economy and culture of Dolgan, Evenki, Evens, Yukagirs and Russian Arctic old-timers of Yakutia.

Keywords: ethnography, expeditions, research, Arctic, Yakutia, indigenous peoples

13 арктических районов Якутии занимают гигантскую площадь в более чем 1600 тыс. кв. км и являются местом традиционного проживания представителей 5 коренных малочисленных народов Севера: долган, чукчей, эвенков, эвенов, юкагиров, а также самобытного этнического сообщества русских арктических старожилов. Начиная с XVIII в. эти аборигенные этносы оказались в фокусе внимания исследователей и путешественников [17]. Однако к

середине прошлого столетия число «лакун» и «белых пятен» в научных сведениях об их истории, языке и культуре по-прежнему существенно превышало размеры изведенного.

Своеобразным этнографическим бумом в истории изучения коренных малочисленных народов Севера были ознаменованы 1950-е гг. Этот бум в значительной степени был связан с именем выдающегося советского североведа И.С. Гурвича, который первоначально работал

* СУЛЕЙМАНОВ Александр Альбертович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН.

E-mail: alexas1306@mail.ru

© Сулейманов А.А., 2018

в Институте языка, литературы и истории Якутского филиала Академии наук (ИЯЛИ ЯФ АН) СССР, а затем стал сотрудником московского Института этнографии АН СССР. Под руководством И.С. Гурвича в течение 1951-1954 гг. в 10 арктических районах Якутии были проведены исследования, посвященные выявлению этнического состава и численности аборигенных этносов, сбору материалов по их традиционной культуре, хозяйству и быту [8]. В 1959 г. исследователь являлся научным руководителем Юкагирской комплексной экспедиции – одной из выдающихся инициатив в истории научного познания не только этого древнего этноса, но и его «соседей» по Колымскому региону [9]. Участие в изысканиях Юкагирской комплексной экспедиции стало фактически «лебединой песней» в проведении И.С. Гурвичем масштабных полевых исследований в Заполярной Якутии. К тому времени он уже перебрался на работу в Москву, а вскоре сосредоточился на изучении народов Чукотки и Камчатки [1, с. 23-26]. После отъезда ученого этнографов-североведов такой квалификации и опыта в Якутии не осталось. В результате следующий период активизации этнографического изучения коренных малочисленных народов произойдет лишь в 1980-е гг., в том числе – на волне новых общественно-политических веяний. Вероятно, именно в силу отмеченных «волн» в деятельности этнографов, 1950-е и 1980-е гг., пусть и в крайне ограниченных масштабах, но представлены в отечественной историографии [2; 3; 8; 9; 10], тогда как период между этими двумя десятилетиями фактически не рассматривался специалистами по истории науки. Между тем, как будет показано в данной работе, в 1960-е – 1970-е гг. на севере Якутии было реализовано несколько интересных исследовательских инициатив, безусловно, заслуживающих должного освещения. Представляется очевидным, что реализация эффективной государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера возможна лишь на основе концептуализации и корректной интерпретации опыта их научного изучения.

Первые из рассматриваемых исследований были организованы Институтом языка, литературы и истории в Момском и Томпонском районах Якутии. В течение 8 октября – 30 ноября 1960 г. научный сотрудник института М.Я. Жорницкая, а также работавшие по договору лаборанты эвены И.Е. Тарабукин (11.10 – 24.10), П.Х. Стручков (27.10 – 1.11) и Т.К. Неустроева

(3.11 – 13.11), занимались изучением традиционных эвенских плясок и игр.

В колхозах «Коммунизм» (Улахан-Чистайский наслег), «Сайды» (Чыбагалахский наслег), «Правда» (участок Суон тит) Момского района, «Победа» и им. Жданова Томпонского района исследователи опросили свыше 130 информантов. В единый вопросник входили пункты о содержании, смысле того или иного танца, значении танцевальных или игровых терминов, особенностях организации (участники, место и традиции исполнения) народной игры или пляски. Также информантам задавались вопросы, касающиеся традиционных свадебных обрядов и шаманских культов.

Основной формой проведения исследования было визуальное наблюдение за исполнением этнического танца или игры и его фиксация на кино – и фотопленку. Кроме того, на магнитофонную ленту записывались запевы к эвенским танцам, традиционные мелодии и песенные импровизации.

На основе собранного материала М.Я. Жорницкой были выявлены и описаны варианты исполнения традиционного эвенского хорова, отдельные элементы старинных танцев «Кинди» и «Эһыкаай», свыше 20 эвенских игр; зафиксирована игровая и танцевальная терминология; определены основные различия в исполнении народных танцев шестью локальными группами эвенов. Одновременно исследователи записали 4 рассказа о свадебных обрядах эвенов, воспоминания о традиционной охоте на медведя и горного барана, охотничьих и врачевательных обрядах шаманов, их приметах и костюме (Рукописный фонд Архива Якутского научного центра СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 369. Л. 1-58).

Как и И.С. Гурвич, М.Я. Жорницкая вскоре была приглашена на работу в Институт этнографии АН СССР и переехала в Москву, что еще более усугубило кадровый дефицит этнографов-североведов в Якутии. В результате все последующие из рассматриваемых изысканий проводились уже специалистами, приезжавшими в республику в командировку.

Так, в 1969–1971 гг. жизнедеятельность юкагигов и эвенов находилась в фокусе исследований научного сотрудника Института этнографии АН СССР В.А. Туголукова. Следует отметить, что В.А. Туголуков являлся специалистом главным образом по истории и этнографии тунгусоязычных народов нашей страны. Ко времени своей поездки в Якутию им, в частно-

сти, была написана научно-популярная книга «Следопыты верхом на оленях» [14] и серия научных статей «Охотские эвенки», «Изменения в хозяйстве и быте эвенков Иркутской области за полтора века», «У эвенков западной части Эвенкийского национального округа и Туруханского района Красноярского края» и др. [11; 13; 15]. Именно как эксперт-тунгусовед В.А. Туголуков подошел к изучению юкагиров.

Полевой и документальный материал о лесной группе данного этноса ученый собирал в июле 1969 г. в поселке Зырянка и селе Нелемное Верхнеколымского района. Исследовательская работа фактически состояла из двух частей: изучения документов районного архива и опроса информантов.

В ходе проведенных изысканий В.А. Туголуков составил список населения Нелемного с указанием года рождения, семейного положения, грамотности, рода занятий, национальной и родовой принадлежности. Кроме того, исследователем были получены сведения о сохранившихся у местных жителей преданиях, касающихся происхождения юкагиров, традиционных обрядах, современной хозяйственной деятельности и условиях жизни в Нелемном (образование, снабжение, цены на отдельные товары и услуги, случаи суицида и др.) (Научный архив Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, далее – НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 12. Д. 1618. Л. 45-59).

В полевом сезоне следующего, 1970 г. в фокусе внимания В.А. Туголукова наряду с юкагирами находились также эвены. Исследования начались 10 июля в поселке Черский, где в течение недели ученый проводил опросы местного населения, работал с материалами районных организаций и архива. 17-27 июля В.А. Туголуков побывал в юкагино-эвенском селе Андрушкино и рыболовецком поселении юкагиров на озере Малое Улуру. Далее из Черского исследователь вылетел в административный центр Аллаиховского района поселок Чокурдах (28 июля), откуда на моторной лодке отправился в село Ойотунг – место проживания чукчей, эвенов и юкагиров (29 июля – 2 августа). Вернувшись в Чокурдах (3 августа) В.А. Туголуков проследовал по маршруту: п. Дружина (Абыйский район, 8-9 августа) – п. Зырянка (Верхнеколымский район, 9 августа) – п. Хандыга (Томпонский район, 10-17 августа) – с. Томпо (17 августа – 7 сентября) – г. Якутск (9-24 сентября) (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 82. Л. 108-109).

Как и в ходе предыдущей экспедиции в каждом из посещенных ученым мест компактного проживания исследуемых этносов им составлялся подробный список местных жителей. Кроме того, с целью сбора материала по проблеме экзогамии В.А. Туголуков старался выяснить девичьи фамилии жены и матери главы семьи. Значительное внимание в ходе изысканий было уделено сбору сведений о традиционных видах хозяйственной деятельности – охоте, рыболовстве и оленеводстве; материалов, касающихся мифологии, этнических связей и национальной самоидентификации, а также этнической терминологии и, в целом, лингвистической ситуации (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 82. Л. 113-115).

Среди выводов, сделанных В.А. Туголуковым по результатам проведенных изысканий, важнейшее место занимали положения о глубоком тунгусском¹ влиянии, оказанном на материальную и духовную культуру юкагиров и их образ жизни в целом.

Так, в опубликованной в 1979 г. работе «Кто вы, юкагиры?» В.А. Туголуков отметил, что ядро этнической группы, «именующей себя одулами и говорящей на тундровом диалекте юкагирского языка», составляют «тунгусы, выходцы с Нижней Лены, женившиеся на юкагирских женщинах» [12, с. 33].

Кроме того, по мнению ученого, юкагиры заимствовали у тунгусов навыки ведения оленеводства, технику охоты на диких оленей, переносные чумы, систему отсчета месяцев, элементы традиционной одежды. Определяющее влияние тунгусы оказали и на отход юкагиров от матрилокального брака [12, с. 14-131].

Любопытны также выводы В.А. Туголукова о заимствовании юкагирами другого, казалось бы, традиционного для представителей этого народа занятия – ездового собаководства. По предположению исследователя, исконные умения, которыми обладали древние юкагиры, были практически полностью утрачены из-за вынужденной миграции под натиском тунгусов на север – в места, где условия для развития данной отрасли были значительно хуже (в первую очередь, из-за нехватки корма). Новый импульс развитие ездового собаководства по-

¹ Термин «тунгусы» В.А. Туголуков использовал как собирательный, объединяющий родственные тунгусо-маньчжурские народы – эвенов и эвенков. В частности, в 1985 г. ученым была опубликована монография «Тунгусы (эвены и эвенки) Средней и Западной Сибири».

лучило в XVIII в., до этого сохраняясь «скорее как реликт, чем как полноценная отрасль традиционной культуры» [12, с. 74-75]. Вот что по этому поводу отмечал сам исследователь: «Возродилось ездовое собаководство у юкагиров после прихода русских. Поселившись в конце XVII в. в низовьях Индигирки, а также на Колыме, русские завели в своем хозяйстве собачьи упряжки. Этот способ передвижения им был знаком еще со времени установления торговых связей Древней Руси с осяками (ханты и манси) Западной Сибири» [12, с. 75].

Если работа «Кто вы, юкагиры?» главным образом базировалась на материалах полевых исследований 1969-1970 гг., то та часть фундаментальной монографии В.А. Туголукова «Тунгусы (эвены и эвенки) Средней и Западной Сибири», которая касалась эвенков северо-западных районов Якутии, была основана на изысканиях автора, проведенных в 1971 г.

В течение июля – сентября В.А. Туголуков работал в Анабарском, Оленекском, Жиганском и Булунском районах. Перед ученым стояли задачи исследования истории местных хозяйств, этнического и родового состава, этнических процессов, направлений деятельности совхозов, условий труда и быта его членов, а также сочетания традиций и новаций в культуре. Для решения названных задач В.А. Туголуков, преимущественно используя авиатранспорт (самолеты АН-2, ИЛ-14, ИЛ-18, ЛИ-2, вертолет МИ-4), проделал путь по следующему маршруту: Москва – Якутск (19 июля) – Саскылах (20 июля, с посещением оленеводческих бригад совхоза «Анабарский» и его отделения в с. Юрюнг-Хая) – Оленек (30 июля) – Жилинда (2 августа) – Оленек (12 августа) – Жиганск (16 августа) – Кыстатыам (18 августа, катер СП-40) – Тикси (23 августа, теплоход «XXXX лет ВЛКСМ») – Хара-Улах (27 августа, с посещением на лошади рыболовецкого участка в бухте Сытыгын-Тала) – Тикси (2 сентября) – Кюсюр (3 сентября) – Тикси (10 сентября, теплоход «XXXX лет ВЛКСМ») – Якутск (11 сентября) – Москва (18 сентября). Методика проведения изысканий включала опрос населения, изучение документальных материалов Научного архива ЯФ АН СССР, местных архивов и учреждений, фотографирование и зарисовки. Собранный эмпирический материал был зафиксирован в двух тетрадях и на пяти катушках фото пленки (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 86. Л. 163-165).

Приоритетное место в подготовленном по итогам экспедиции 1973 г. В.А. Туголуковым

отчете занял анализ этнической истории коренного населения исследованных районов Якутии. Одним из наиболее любопытных результатов проведенных изысканий является заковычивание в нем этнонимов «якуты» и «эвенки», в случае их употребления применительно к аборигенному населению исследованных районов. Данный факт объяснялся активнейшими ассимиляционными процессами на северо-западе Якутии.

Так, в отношении давно проживавших на Анабаре якутов (в отличие от недавно поселившихся здесь) В.А. Туголуков отметил, что они «не якуты в полном значении этого слова и тем более не тунгусы (эвенки), а якутоязычный сплав якутского, тунгусского и русского населения» (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 86. Л. 171). При этом, несмотря на общий вывод об отнесении аборигенов северо-запада Якутии к оригинальному этническому сообществу северных якутов, ученый достаточно настойчиво проводил параллели между якутами Анабарского района и долганами Красноярского края. В частности, В.А. Туголуков отметил, что смешение «анабарских якутов с тунгусами и русскими привело к образованию населения, весьма близко напоминающего долган на Таймыре и явно связанных с ними генетически» (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 86. Л. 169).

В соседнем Оленекском районе, напротив, основная масса населения относилась к эвенкам. Однако исследователь установил, что значительная их часть «принадлежит к якутским родам Катыгын (Хатыгын, Хатылинский), Рюняй, Маймага, Осогостох, Чорду, Эспех и др., неизвестным у эвенков» (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 86. Л. 172). Косвенное подтверждение «давней ассимиляции эвенков северо-западной Якутии якутами» В.А. Туголуков увидел в длительном отсутствии среди аборигенов ареала родовой экзогамии, а также как минимум вековой традиции отнесения к родному языку якутского. Вообще положения о родном языке как ключевом маркере определения национальной принадлежности занимали важное место в исследованиях ученого. В частности, по его сведениям, на момент изысканий эвенкийский язык знали всего 6-8 человек. Одной из них была старейшая жительница Жилинды 99-летняя Е.Х. Сергеева, а остальные являлись недавними мигрантами из Илимпейского района Эвенкийского округа (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 86. Л. 171-176). В результате В.А. Туголуков пришел к выводу о принадлежности

аборигенного населения Оленекского района «к тому же этническому образованию (слою), что и анабарские “якуты”» (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 86. Л. 176).

Схожая ситуация была зафиксирована и у «эвенков» (кавычки В.А. Туголукова – *прим. авт.*) Жиганского района. Здесь также, по мнению исследователя, тунгусское население было давно «объякучено», а сами якуты переняли у эвенков и эвенов хозяйство и образ жизни. Ученый выявил «достаточно индифферентное» отношение аборигенов района к определению своей национальной принадлежности. Например, как было отмечено в итоговом отчете, житель Кыстатыама Н.А. Семенов на вопрос о том, кем он себя считает эвенком или якутом, ответил: «саха, эвенки – симбиль (все равно)» (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 86. Л. 178). При этом ученому не удалось выявить ни одного носителя эвенкийского языка в Жиганском районе, а охарактеризованный жителями единственным его знатоком в районе Д.С. Семенов, как установил В.А. Туголуков, в действительности владел западным диалектом эвенского языка – предки информанта за полвека до этого перекочевали на Лену с Верхоянья. В итоге исследователь зафиксировал в Жиганском районе наличие «некоторого числа эвенов», которые, между тем, не знали такого этнонима и относили себя к эвенкам (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 86. Л. 176-180).

Несмотря на аналогичную путаницу в терминологии в Булуномском районе здесь В.А. Туголукову удалось выявить именно эвенское население. В связи с этим ученый отметил, что западной границей расселения представителей данного этноса следует считать нижнее течение Лены (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 86. Л. 182-185).

В упомянутой выше монографии «Тунгусы (эвены и эвенки) Средней и Западной Сибири», опубликованной в 1985 г. на основе привлечения материалов рассмотренных полевых исследований и комплекса архивных документов, В.А. Туголуков с большой скрупулезностью рассмотрел историю тунгусских родов, их миграции на северо-запад Якутии, а также дальнейших межэтнических связей [16, с. 175-236].

В последний год полевой работы В.А. Туголукова в арктических районах Якутии начались исследования Якутского отряда Института этнографии АН СССР. Общее научное руководство деятельностью отряда осуществлял профессор Ленинградского государственного университета (ЛГУ) Р.Ф. Итс. Полевые изыска-

ния возглавляла младший научный сотрудник Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР Р.В. Каменецкая. Фактически это были совместные исследования Ленинградского отделения Института этнографии и кафедры этнографии и антропологии Исторического факультета ЛГУ. Причем активное участие в них принимали не только ученые названных научных центров, но и проходившие практику студенты.

В первый год своей работы исследования Якутского отряда, в которых участвовало 13 человек, осуществлялись тремя группами в период с 25 июня по 5 августа 1971 г.

Антропологическая группа (руководитель – аспирантка ЛГУ Л.Ф. Томтосова) занималась сбором антропометрических, серологических, демографических и иных материалов в центральных районах Якутии: Намском, Мегино-Кангаласском и Алексеевском (сейчас – Таттинский). Этнографическая группа, возглавляемая Б.П. Шишло (ассистент кафедры этнографии и антропологии Исторического факультета ЛГУ), проводила исследования среди юкагиров Аллаиховского (25 июня – 6 июля), Нижне – и Верхнеколымского районов (6 июля – 30 июля) в селах Ойотунг, Андрюшкино и Нелемное, а также поселениях на озере Малое Улуро. Помимо руководителя в группу также входили В.Б. Золотарева, В. Хартанович и В. Попов. Наконец, группа Р.В. Каменецкой (Р.Ф. Итс, К.П. Калиновская, Н.И. Бондарь, А.Б. Спевиковский) в населенных пунктах Полярное (Русское Устье), Черский, Походск и Чокурдах собирала сведения по этнографии русского старожильского населения (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 86. Л. 102-103).

В июле 1972 г. Якутский отряд возобновил свои исследования уже в составе двух групп. Антропологическая группа Л.Ф. Томтосовой (2 участника) вновь работала в центральных районах Якутии. Этнографическая группа (руководитель Р.В. Каменецкая, студенты А.И. Терюков и С.С. Григорьев) продолжила сбор этнографического материала о русских старожилах. Маршрут этнографов выглядел следующим образом: Ленинград – Москва – Чокурдах – Полярный – участки в дельте Индигирки (Островок, Якутское жилье, Станчик, Яр, Лагашкино) – Полярный – Чокурдах – Черский – Походск – Черский – Москва – Ленинград (Научный архив Музея антропологии и этнографии РАН, далее – НА МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 1090. Л. 1).

Русское старожильческое население арктических районов Якутии было основным объектом исследований Якутского отряда Института этнографии АН СССР и в последний год его работы. Участники отряда (Р.В. Каменская и Б.П. Шишло) в июле – августе 1973 г. провели изыскания в низовьях реки Яны. Ученые обследовали села Казачье, Кресты и Усть-Янск, а также промысловые участки в дельте Яны и на ее протоках Хочомой и Хотоон (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 99. Л. 188).

Учитывая территориальные рамки данного исследования, а также отложившийся источниковый материал, наибольший интерес представляют именно результаты изучения русских арктических старожилов Якутии. На основе опроса местных жителей, включавшего перепроверку материалов, полученных ранее исследователями (В.Г. Богораз, В.М. Зензинов, Д.Д. Травин, Т.А. Шуб, Н.М. Алексеев), изучения похозяйственных книг и данных о развитии совхоза члены отряда аккумулировали сведения о материальной и духовной культуре, годовом хозяйственном цикле, традиционных промыслах и обрядах этого самобытного этнического сообщества.

Участники экспедиции установили, что, несмотря на все унификационные процессы, представление о себе как об оригинальном этническом сообществе, отличном от «остальных русских», о чем ранее писал, в частности, И.С. Гурвич, продолжало занимать центральное место в картине мира русских старожилов. Так, колымчанин С.Е. Борисов сказал ленинградским этнографам следующее: «Вот вы русские, они (члены биологической экспедиции ЯАССР – *прим. авт.*) – якуты, а мы колымчане... ото всех понемножку» (НА МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1080. Л. 6). О значительной самобытности русских старожилов свидетельствовала, по мнению исследователей, также материальная культура, являвшаяся сплавом традиционной культуры русских и культуры аборигенов Севера: якутов, юкагиров, эвенов, чукчей. При этом элементы культуры названных народов были «переплетены так тесно и так выкристаллизовались, что образовалась особая, совершенно новая форма материальной культуры...» (НА МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1080. Л. 15-16).

Исследователи составили подробное описание промыслового календаря XIX – нач. XX вв., весенней добычи нерпы и традиционного жилища (однокамерный сруб с плоской крышей и пристраиваемыми к дому сенями, напоминав-

шими по форме якутскую юрту) русских старожилов, а также употребляемой ими пищи – в частности, было зафиксировано 18 различных способов приготовления рыбы. По наблюдениям участников изысканий, ко времени экспедиции практически полностью вышла из употребления старожильческое население традиционная повседневная одежда. Вместе с тем, сохранилась и активно использовалась промысловая амуниция [4, с. 45-49; 5, с. 12-14; 6, с. 115-116]. Благодаря опросам возрастных информантов были установлены сохранившиеся элементы традиционного фольклора («Винограды») и религиозных представлений сообщества, являвших собой «переплетение дохристианских и христианских верований с представлениями и обрядностью ... коренного населения севера Сибири» [5, с. 14].

Важное место в изысканиях занял компаративный анализ традиционных хозяйства и культуры двух самобытных этнических групп русских старожилов – колымчан (походчан) и индигирщиков (русскоустыинцев). Следует отметить, что участники изысканий 1971-1973 гг. были первыми исследователями, специально обратившимися к сравнительному этнографическому изучению русских старожилов. В результате проведенных работ было установлено значительное сходство названных этнических групп. В частности, идентичными оказались способы рыболовного и пушного промыслов, добычи нерпы, собаководства. Значительное сходство наблюдалось также в конструкциях традиционных жилищ и хозяйственных построек, одежде, пище, средствах передвижения, промысловом календаре, народных знаниях, верованиях и обрядах. Небольшие различия были выявлены лишь в погребальном обряде и терминологии. Однако в целом, по наблюдениям исследователей, на Индигирке лучше сохранились архаические элементы. Объяснение данному факту было найдено в большей отдаленности региона от торговых путей и его фактической «замкнутости» – в низовьях Колымы же долгое время квартировалась часть якутского казачьего полка, проживали политические ссыльные и т.д. (НА МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 1090. Л. 11-20).

Участники экспедиции также составили краткое описание современной хозяйственной деятельности русских старожилов. В частности, было отмечено, что основными направлениями экономической деятельности аборигенов остаются традиционные рыболовство и пушной

промысел. Однако, если первое претерпело существенные изменения (широкое распространение получили моторные лодки и капроновые сети, было выстроено значительное количество ледников для хранения), то способы ведения охоты оставались практически неизменными – пасть на песца была «точно такой же, какой пользовались их деда», по-прежнему для объездов использовался собачий транспорт, сохранилась и промысловая одежда (НА МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1080. Л. 30).

Кроме того, в ходе экспедиционных работ исследователи приобрели для коллекции Музея антропологии и этнографии более тридцати предметов, относящихся к традиционным средствам передвижения, промысловой и повседневной одежде, хозяйственной деятельности и быту русских старожилов [6, с. 116].

Наряду с рассмотренными исследованиями В.А. Туголукова и участников Якутского отряда, важный вклад в изучение этнографии юкагиров в 1970-е гг. внес языковед Е.А. Крейнович. Еще в ходе Юкагирской комплексной экспедиции 1959 г. ученый по собственной инициативе параллельно с выполнением своих основных лингвистических задач занимался в Нижнеколымском районе сбором материалов, касающихся истории хозяйственной деятельности и обычаев юкагиров. Результаты проделанной работы нашли отражение в фундаментальной статье «Из жизни тундренных юкагиров на рубеже XIX-XX вв.» 1972 г. [7], которая позднее была переведена на английский язык и издана в журнале «Arctic Anthropology» [18]. В основе этих публикаций лежали сведения, полученные от самого близкого, пожалуй, для Е.А. Крейновича информанта – юкагира Н.Т. Трифонова, который еще в 1934 г., будучи студентом, помогал ученому делать первые шаги в познании юкагирского языка. Исследователем были подробно рассмотрены обычаи избегания, наследования, брачных отношений, распределения добычи у тундренных юкагиров, определены традиционные маршруты кочевий их алазейских представителей, показана конструкция зимнего и летнего жилища, способы пошива одежды. Наибольшую же ценность представляет самое содержательное, пожалуй, в существующей историографии описание хозяйственной деятельности тундренных юкагиров, сделанное Е.А. Крейновичем. Ученый привел детальный разбор годового хозяйственного цикла, методов охоты на диких оленей и линных гусей, охотничьего церемониала, техники кочевки, ловли

рыбы, обработки шкур, сооружения лодок и сапей, заготовки и хранения продуктов.

Таким образом, в рассмотренный период в арктических районах Якутии был реализован ряд исследовательских инициатив по аккумулярованию этнографического материала об аборигенных этносах региона. Характерной особенностью большинства из рассмотренных изысканий является их проведение специалистами научных учреждений Москвы и Ленинграда. В этом плане, прежде всего, в силу утечки квалифицированных кадров произошел определенный регресс в деятельности местной школы этнографов. Главное же заключается в том, что именно участникам проведенных исследований мы обязаны рядом господствующих в современной науке представлений об истории, этногенезе, традиционной культуре и хозяйственной деятельности эвенков, эвенов, юкагиров, русских арктических старожилов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батьянова Е.П. Северная экспедиция Института этнографии (1956-1991 гг.) // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 17-34.
2. Боякова С.И. Гуманитарные проблемы Арктики: основные направления научных исследований // Якутия в российском научном пространстве XX – нач. XXI вв.: гуманитарные исследования / Отв. ред. В.Н. Иванов. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2005. С. 56-70.
3. Винокурова Л.И., Кулаковский Г.П. Хозяйство Севера Якутии в экспедиционных исследованиях с 1920-х до 1960 г. // Общество: философия, история, культура. 2016. № 6. С. 62-65.
4. Каменецкая Р.В. Весенний промысел нерпы у русского населения Северо-Востока ЯАССР // Новое в этнографических и антропологических исследованиях (итоги полевых работ Института этнографии в 1972 году). Ч. 1. М.: Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1974. С. 45-49.
5. Каменецкая Р.В. Колымчане (по материалам экспедиции 1971 г.) // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР 1971 г. Л.: Ленинградское отделение Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1972. С. 12-14.
6. Каменецкая Р.В. Промысловый календарь русских старожилов Севера Якутии (XIX – начало XX в.) // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР 1974-1976 гг. Л.: Наука, 1977. С. 115-116.
7. Крейнович Е.А. Из жизни тундренных юкагиров на рубеже XIX-XX вв. // Страны и

народы Востока. Вып. XIII. М.: Наука, 1972. С. 56-92.

8. Саввинов А.И. Север Якутии в исследованиях И.С. Гурвича // Якутский архив. 2009. № 3-4. С. 117-120.

9. Сулейманов А.А. Юкагирская комплексная экспедиция 1959 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 74-78.

10. Сулейманов А.А. Якутия и международное сотрудничество по научному изучению коренных народов Арктики в 70-е – 80-е гг. XX в. // Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. Материалы II международной научно-практической конференции. Симферополь, 23 сентября 2016 г. Симферополь: КФУ, 2016. С. 49-53.

11. Туголуков В.А. Изменения в хозяйстве и быте эвенков Иркутской области за полтора века // Советская этнография. 1965. № 3. С. 12-26.

12. Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М.: Наука, 1979.

13. Туголуков В.А. Охотские эвенки // Советская этнография. 1958. № 1. С. 11-23.

14. Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. М.: Наука, 1969.

15. Туголуков В.А. У эвенков западной части Эвенкийского национального округа и Туруханского района Красноярского края // Советская этнография. 1963. № 3. С. 159-165.

16. Туголуков В.А. Тунгусы (эвены и эвенки) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985.

17. Ширина Д.А. Отечественная наука и изучение Якутии в XVIII – начале XX вв. // Исторические связи народов Якутии с русским народом. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1987. С. 40-76.

18. Kreynovich, E.A., 1979. The Tundra Yukagirs at the turn of the century. Arctic Anthropology, no. 16, pp. 187-215.

REFERENCES

1. Batyanova, E.P., 2013. Severnaya ekspeditsiya Instituta etnografii (1956-1991 gg.) [The Northern expedition of the Institute of Ethnography (1956-1991)], Etnograficheskoe obozrenie, no. 4, pp. 17-34. (in Russ.)

2. Boyakova, S.I., 2005. Gumanitarnye problemyi Arktiki: osnovnyie napravleniya nauchnykh issledovaniy [Humanitarian problems of the Arctic: the main directions of scientific research]. In: Ivanov, V.N. ed., 2005. Yakutiya v rossiyskom nauchnom prostranstve XX – nach. XXI vv.: humanitarnye issledovaniya. Yakutsk: YaNTs SO RAN, pp. 56-70. (in Russ.)

3. Vinokurova, L.I. and Kulakovskiy, G.P., 2016. Khozyaystvo Severa Yakutii v ekspeditsionnykh issledovaniyakh s 1920-kh do 1960 g. [The economy of the North of Yakutia in expeditionary research from the 1920s to 1960], Obschestvo: filosofiya, istoriya, kultura, no. 6, pp. 62-65. (in Russ.)

4. Kamenetskaya, R.V., 1974. Vesenniy promysel nerpy u russkogo naseleniya Severo-Vostoka YaASSR [Spring fishing of seals among the Russian population of the North-East of the YaASSR]. In: Novoe v etnograficheskikh i antropologicheskikh issledovaniyakh (itogi polevykh rabot Instituta etnografii v 1972 godu), Ch. 1. Moskva: Institut etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya, pp. 45-49. (in Russ.)

5. Kamenetskaya, R.V., 1972. Kolymchane (po materialam ekspeditsii 1971 g.) [Citizens of Kolyma (according to the materials of the 1971 expedition)]. In: Kratkoe sodержanie dokladov godichnoy nauchnoy sessii Instituta etnografii AN SSSR 1971 g. Leningrad: Lenigradskoe otdelenie Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya, pp. 12-14. (in Russ.)

6. Kamenetskaya, R.V., 1977. Promysloviy kalendar' russkikh starozhilov Severa Yakutii (XIX – nachalo XX v.) [The fishing calendar of Russian old-timers in the North of Yakutia (XIX – early XX century)]. In: Kratkoe sodержanie dokladov godichnoy nauchnoy sessii Instituta etnografii AN SSSR 1974-1976 gg. Leningrad: Nauka, pp. 115-116. (in Russ.)

7. Kreynovich, E.A., 1972. Iz zhizni tundrennykh yukagirov na rubezhe XIX-XX vv. [From the life of tundra Yukagirs at the turn of the XIXth and XXth centuries]. In: Strany i narody Vostoka. Vyp. XIII. Moskva: Nauka, pp. 56-92. (in Russ.)

8. Savvinov, A.I., 2009. Sever Yakutii v issledovaniyakh I.S. Gurvicha [The North of Yakutia in the research of I.S. Gurvich], Yakutskiy arkhiv, no. 4, pp. 117-120. (in Russ.)

9. Suleymanov, A.A., 2014. Yukagirskaya kompleksnaya ekspeditsiya 1959 g. [The Yukagir Complex Expedition of 1959], Gumanitarnye nauki v Sibiri, no. 4, pp. 74-78. (in Russ.)

10. Suleymanov, A.A., 2016. Yakutiya i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo po nauchnomu izucheniyu korennykh narodov Arktiki v 70-e – 80-e gg. XX v. [Yakutia and the international cooperation in the study of indigenous peoples of the Arctic in the 1970s and 1980s]. In: Aktualnyie problemyi novoy i noveyshey istorii zarubezhnykh stran. Materialy II mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Simferopol,

23 sentyabrya 2016 g. Simferopol: KFU, pp. 49-53. (in Russ.)

11. Tugolukov, V.A., 1965. *Izmeneniya v khozyaistve i byte evenkov Irkutskoy oblasti za poltora veka* [Changes in the economy and life of the Evenki of the Irkutsk region during a century and a half], *Sovetskaya etnografiya*, no. 4, pp. 12-26.

12. Tugolukov, V.A., 1979. *Kto vy, yukagiry?* [Who are you, the Yukagirs?]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

13. Tugolukov, V.A., 1958. *Okhotskie evenki* [Okhotsk Evenki], *Sovetskaya etnografiya*, no. 4, pp. 11-23. (in Russ.)

14. Tugolukov, V.A., 1969. *Sledopyityi verkhom na olenyakh* [Rangers riding reindeers]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

15. Tugolukov, V.A., 1963. *U evenkov zapadnoy chasti Evenkiyskogo natsionalnogo*

okruga i Turukhanskogo rayona Krasnoyarskogo kraya [Evenks of the western part of the Evenki National District and Turukhansk District of the Krasnoyarsk region], *Sovetskaya etnografiya*, no. 4, pp. 159-165. (in Russ.)

16. Tugolukov, V.A., 1985. *Tungusy (eveny i evenki) Sredney i Zapadnoy Sibiri* [Tungus (Even and Evenki) of Middle and Western Siberia]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

17. Shirina, D.A., 1987. *Otechestvennaya nauka i izuchenie Yakutii v XVIII – nachale XX vv.* [Russian science and the study of Yakutia in the XVIII – early XX century]. In: *Istoricheskie svyazi narodov Yakutii s russkim narodom*. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izd-vo, pp. 40-76. (in Russ.)

18. Kreynovich, E.A., 1979. *The Tundra Yukagirs at the turn of the century*. *Arctic Anthropology*, no. 16, pp. 187-215.